

Роль водных ресурсов в странах Центральной Азии: на примере Кыргызской Республики

Асел Нурдиновна Нурдинова ✉

Дипломатическая академия имени К.Дикамбаева при МИД

Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызстан

Taggert2503@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-8227-978X>

Аннотация. В статье исследуется ситуация в сфере водных ресурсов в Центрально-Азиатском регионе. Из-за неравномерного распределения и односторонних шагов по использованию водных ресурсов трансграничных водотоков происходит обострение межгосударственных отношений. В статье выявлена степень управления водными ресурсами странами Центральной Азии. На примере Кыргызской Республики рассматриваются усилия по регулированию трансграничных водных рек. Дана оценка способности руководства стран региона бесконфликтно решать водные проблемы друг с другом. Рассмотрены международные водные проекты стран региона для ослабления напряженности. Выделен ряд особенностей водной политики стран Центральной Азии, которые не урегулировали проблемные вопросы после распада Советского Союза. В статье выявлена роль водных ресурсов для развития стран Центральной Азии.

Статья подготовлена в рамках Программы международной академической мобильности, организованной Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций для молодых ученых зарубежных стран.

Ключевые слова: Центральная Азия, водные ресурсы, международное сотрудничество, климатические условия, гидроресурсы Кыргызской Республики, конфликт, водная политика Кыргызской Республики, ГЭС

Для цитирования: Нурдинова А.Н. Роль водных ресурсов в странах Центральной Азии: на примере Кыргызской Республики // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 1(15). С. 82-97, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-82-97](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-82-97)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-82-97](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-82-97)

Political Sciences

The Importance of Water Resources in Central Asian Countries: Case Study of the Kyrgyz Republic

Asel N. Nurdinova ✉

Diplomatic Academy named after K.Dikambaev of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyzstan

Taggert2503@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-8227-978X>

Abstract. The article examines the situation in the field of water resources in the Central Asian region. Due to the uneven distribution of water resources and unilateral steps taken by some countries to use them from transboundary watercourses, interstate relations have been exacerbated. The article reveals the level of water resource management by the Central Asian states. Using the example of the Kyrgyz Republic, efforts to regulate transboundary water resources are considered. An assessment is being made of the ability of state governments in the region to resolve water issues without conflict. International water projects in the states of the region are considered to ease tensions. A number of features of the water policy in Central Asian countries which have not been resolved as problematic issues since the collapse of the Soviet Union are highlighted. The article reveals the importance of water resources for development of the Central Asian states.

The article was prepared within the framework of the International Academic Mobility Program organized by the National Research Institute for the Communication Development for young scientists from foreign countries.

Keywords: Central Asia, water resources, international cooperation, climatic conditions, water resources of the Kyrgyz Republic, conflict, water policy of the Kyrgyz Republic, hydroelectric power stations

For citation: Nurdinova A.N. The Importance of Water Resources in Central Asian Countries: Case Study of the Kyrgyz Republic. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025. № 1(15). P. 82-97, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-82-97](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-82-97)

Введение

Вопросы изменения климатических условий и экологические проблемы мира являются объектом научных исследований не первый десяток лет. При этом активное практическое изучение данной области с точки зрения разных стран показал высокий уровень интереса мирового сообщества и прогнозный потенциал для дальнейшего анализа в более высокочувствительных регионах мира, в частности в Центральной Азии. Географическое положение региона и уязвимость к климатическим погодным изменениям при нижеследующих причинах косвенно и прямо влияют на национальную и региональную безопасность государств Центральной Азии (ЦА).

Неравномерное распределение и управление водными ресурсами пятью странами Центральной Азии, а также Афганистаном является одной из сложных задач. После распада СССР интересы Афганистана в водной сфере игнорировались, в связи с чем переговоры и подписание соответствующих документов велись без участия представителей Афганистана [5]. В условиях активизации политической деятельности афганского государства считается необходимым рассмотрение ситуации водных ресурсов с учетом расширения субъектов активного водопользования в Центрально-Азиатском регионе.

Изменение климатических условий – один из факторов, обуславливающих актуальность исследования данной темы. Принимая во внимание, что отрасль сельского хозяйства является одним из значимых секторов экономики государств региона с показателями около 20% в ВВП и занятостью от 20 до 50% человеческих ресурсов¹, стоит подчеркнуть его прямую зависимость от проведения политики использования водных ресурсов. При этом, учитывая влияние климата на пахотные земли Центральной Азии, стоит отметить периодические засухи. В этой связи уровень водного стресса на орошаемых площадях определяется как высокий или очень высокий и в обозримом будущем может стать нормой². Значение стоков рек, тепловые волны и изменчивость сроков и количества осадков также влияют на орошаемость земледелия, в частности, значимого в регионе хлопководства и рисоводства. Кроме того, снижение уровня урожайности сельскохозяйственных культур способствует распространению вредителей и болезней. Поскольку изменение климата вносит корректировки в водообеспеченность в регионе, претензии в отношении ресурсов становятся все более напряженными. Поэтому политика экономической модели Центрально-Азиатских стран должна формироваться с учетом изменения климатических условий и его влияния на ситуацию в сфере водных ресурсов.

Дефицит воды и стремление каждой из стран максимально использовать водные ресурсы исключительно в своих интересах приводят к обострению геополитической ситуации в регионе. Политика регулирования ирригационного режима

¹ UNECE. Доля сельского хозяйства в ВВП. URL: <https://w3.unece.org/PXWeb/ru/Charts?IndicatorCode=6>.

² Табах А. Рост экономик Центральной Азии: удачно сошлись все звезды. URL: https://raexpert.ru/researches/regions/economic_central_asia_2024/.

водных ресурсов уже приводила к разногласиям Центрально-Азиатских стран и напряженностью в регионе. Показателен случай с водораспределительным узлом «Головной», который стал предметом спора и причиной одного из самых крупных столкновений в 2021 г. Для Кыргызстана управление этим объектом – вопрос национального суверенитета, а для Таджикистана – жизненно важный ресурс, от которого зависит водоснабжение сельских районов. В этой связи проблемы с водой и ее нерациональное использование, включая отрицательное изменение климатических условий, могут воздействовать на продовольственную и энергетическую безопасность Центрально-Азиатских государств. В свою очередь, это порождает дестабилизацию региона и может обострить социально-политическую напряженность.

Современная ситуация с водными ресурсами Центральной Азии перешла из разряда экологических вопросов в политическую сферу, затрагивая ряд взаимосвязанных вопросов, и несет социально-экономическую подоплеку.

Данная статья ставит целью выявить особенности ситуации с водной политикой стран Центральной Азии, поскольку вода приобрела ключевое значение для обеспечения безопасности, а также установить влияние водных ресурсов на развитие Кыргызской Республики.

Материалы и методы

Проблематика совместного использования водных ресурсов начала активно изучаться еще в XX в., когда строительство водохранилищ обрело массовый характер. В рамках данного исследования автором были проанализированы работы ученых, внесших вклад в исследование водных ресурсов [1–10; 12–14].

К эмпирической базе исследования относятся: статистические и аналитические материалы, в частности, взятые из Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан³, Национального статистического комитета Кыргызской Республики⁴, Агентства национальной статистики при Президенте Республики Узбекистан⁵, Национального банка Таджикистана⁶. Особую важность представляли данные, собранные в результате анализа международно-правовых документов и национальных законодательств стран региона.

Результаты международных научных дискуссий и круглых столов по проблемам использования водных ресурсов отражены в публикациях российских, центральноазиатских и зарубежных ученых, представленных на страницах журнала «Проблемы постсоветского пространства», «Центральная Азия и Кавказ». Кроме это-

³ Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам // РК. URL: <https://stat.gov.kz/ru/>

⁴ Национальный статистический комитет КР. URL: <https://www.stat.gov.kg/ru/>.

⁵ Агентство национальной статистики при Президенте РУз. URL: <https://stat.uz/ru/>.

⁶ Национальный банк РТ. URL: <https://nbt.tj/ru/>.

го, особую важность составляют статистические данные, подготовленные экспертами Евразийского банка развития, Всемирного банка, а также Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН.

В исследовании применялись общенаучные методы, а также методы сравнительного и ретроспективного анализа, в частности, исторический подход и системный анализ.

Результаты исследования

В мире имеется около 263 международных бассейнов, которые пересекают государственные границы между двумя или тремя странами, и 40% народонаселения проживают на территориях водных образований. Согласно заявлению Организации Объединенных Наций, 153 страны пользуются трансграничными водными ресурсами и примерно три миллиарда человек проживают непосредственно в бассейнах рек, в связи с чем вопрос совместного пользования трансграничными водными ресурсами – актуальный для всего человечества⁷.

На протяжении длительного периода времени человечество пытается решить вопрос использования трансграничных водных ресурсов путем дипломатии и международного сотрудничества. Одним из первых шагов по урегулированию режима правовой части водной политики является два международных документа – Конвенция по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 1991 г. и Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 г.⁸ Имея важное политическое значение, данные документы акцентируют внимание на экологических проблемах и носят лишь рекомендательный характер, в незначительной степени затрагивая саму проблему использования гидроресурсов.

Понятие «международный речной бассейн», введенное Хельсинкской ассоциацией международного права и отраженное в Хельсинкских правилах использования вод международных рек от 20 августа 1966 г., является основополагающим термином межнационального соглашения по использованию трансграничных вод. Вторая статья вышеуказанного документа гласит: «это географический район, расположенный в пределах двух или более государств и определяющийся границами водораздела, включая поверхностные и подземные воды, впадающие в общие потоки общего значения»⁹. Продолжение данного правового режима было закреплено в последующих протокольных документах по трансграничным гидроресурсам Лондонского протокола по проблемам воды и здоровья 1999 г. и Киевского протокола 2003 г. о гражданской

⁷ Еще 10 стран присоединятся к Конвенции по трансграничным водам. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/03/1439047>.

⁸ Конвенции и соглашения ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/.

⁹ Хельсинкские правила использования вод международных рек от 20 августа 1966 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900698>.

ответственности и компенсации за ущерб, причиненный трансграничным воздействием промышленных аварий на трансграничные воды. Помимо указанных официальных документов в международном отношении имеется порядка 3 600 соглашений и договоров, что уже является достижением. Однако при более детальном рассмотрении правового режима данной области можно отметить наличие ряда недостатков, в частности, недоработки положений мониторинга, механизмов принуждения и конкретного порядка распределения водных ресурсов, которые учитывали бы вариативность водных потоков и изменение потребностей.

Ни одна из международных конвенций не обязывает верхние страны водных течений согласовывать все свои решения с нижними странами. Более того, международное сообщество не определило единым понятием использование трансграничных водных ресурсов. В этой связи умение правильно и в своих интересах апеллировать знаниями существующих международных документов водной политики в большинстве случаев является важным компонентом успешной политики гидроресурсов.

С учетом вышеизложенного, а также рассматривая международно-правовую ситуацию с водными ресурсами в Центральной Азии, стоит обратить внимание на крайне неравномерное распределение водных объектов между странами региона. 90% водных ресурсов региона сосредоточены в современном Таджикистане и Кыргызстане, где сток главных артерий бассейна Аральского моря формируется реками – Сырдарья (80% в Кыргызстане) и Амударья (83% в Таджикистане). При этом крупнейшими потребителями воды являются Казахстан и Узбекистан. Учитывая различие интересов, масштабы и структуры экономики, страны верхнего и нижнего течения имеют разные взгляды и оценку ситуации с водными ресурсами.

«Водная» ситуация в Центральной Азии на современном этапе

Период Советского Союза в сфере использования и проведения водной политики в регионе Центральной Азии характеризовался как бесконфликтный этап. Союзная система межреспубликанских водных отношений подразумевала сбалансированное экономическое развитие всех пяти государств и максимально взаимовыгодное использование водных артерий. Построенные водохранилища позволяли регулировать использование водных ресурсов, не допуская конфликтных ситуаций между соседями. С распадом Советского Союза страны Центральной Азии столкнулись с необходимостью самостоятельно достигать межгосударственные договоренности в водной политике и встретились с рядом сопутствующих проблем.

Две крупнейшие водные системы густонаселенной Ферганской долины формируются в горах Памира и Тянь-Шаня – Амударья и Сырдарья. В постсоветский период они перешли под контроль к уже независимым государствам региона – Кыргызстану и Таджикистану. Сырдарья берет начало в Кыргызстане и, протекая через Таджикистан, «спускается» в Узбекистан и Казахстан. Амударья из Таджикистана течет в Узбекистан и Туркменистан. При этом в Узбекистане и Казахстане сосредоточена подавляющая часть земель, пригодных для ведения сельского хозяйства, которое

объективно определяет заинтересованность этих стран в эффективном использовании водных резервов региона. В этой связи перед Центрально-Азиатскими государствами предстала задача разработать институциональные механизмы сотрудничества в рамках региона.

Началом переговорного процесса по данной проблематике стало Заявление руководителей водохозяйственных органов республик региона, принятое на совещании в Ташкенте в 1991 г.¹⁰ Документ определил, что «только объединение и совместная координация действий может способствовать эффективному решению водохозяйственных проблем региона в условиях возрастающей экологической напряженности», и положил действенные шаги к последующему международному взаимодействию. Вышеуказанное Заявление затронуло еще одну проблемную сферу – сохранение экологии бассейна Аральского моря, которое является одной из главных болевых точек новообразованных государств региона. Спустя год государства Центральной Азии подписали Соглашение «О сотрудничестве в сфере совместного управления, использования, охраны водных ресурсов межгосударственных источников», тем самым обозначив согласие на общие условия использования гидроресурсов, равные права на эксплуатацию и договорились о создании условий для строгого соблюдения согласованного порядка и правил эксплуатации водных резервов¹¹. Этим же Соглашением был создан единый орган для обеспечения коллегиальности в принятии решений по общим водохозяйственным вопросам – Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия Центральной Азии. Однако неоднократные заявления руководителей государств о создании общей стратегии и формировании экономических механизмов управления гидроресурсами остались без практической реализации. Более того, упоминалось об организации водоэнергетического консорциума Центральной Азии, учреждение которого осталось лишь на бумаге.

Ныне, несмотря на наличие государственных, международных правовых документов, вопрос о рациональном использовании водных ресурсов стоит остро. Стоит отметить, что, вопреки приверженности стран региона принципам глобализации и региональной интеграции, решения в сфере развития определяются национальными приоритетами продовольственной, экономической, энергетической безопасности, а также надежностью и безопасностью водного хозяйства. В этой связи преобладает приоритет собственных интересов республик региона, что означает раздел единой водной системы, которая не может функционировать на отдельно взятой территории. Поэтому задачу по выработке единой позиции использования водных резервов нельзя рассматривать изолированно от попыток разработать эффективные экономические модели развития каждой из стран.

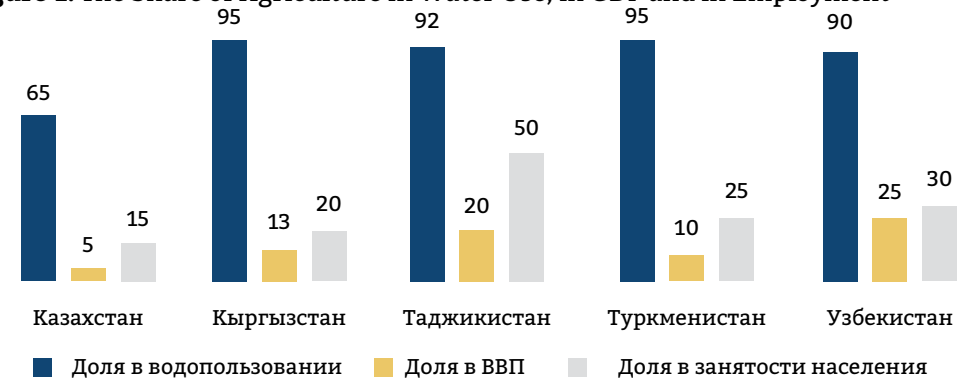
Согласно исследовательской работе Всемирного банка, экономики Центральной Азии не используют свой водный потенциал в полной мере. Учитывая, что доля

сельского хозяйства в ВВП стран в Таджикистане и Узбекистане составляет свыше 15%, а в остальных трех государствах – чуть менее 15%, отмечается низкая продуктивность водных ресурсов и необходимость повышения экономической эффективности ирригации¹².

Как показывают статистические данные, водные ресурсы, имея высокое значение в отрасли сельского хозяйства, влияют на динамику развития экономики государств ЦА (рисунок 1). Водохозяйственная политика стран региона подчинена нуждам сельского хозяйства и обеспечению орошаемости земель поливной водой, в связи с чем 86% используемой воды в регионе расходуется на ирригационные цели.

Рисунок 1. Доля сельского хозяйства в водопользовании, в ВВП и в занятости населения

Figure 1. The Share of Agriculture in Water Use, in GDP and in Employment

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка развития [11]

Source: compiled by the author based on data from the World Development Bank [11]

Национальная политика в сфере продовольственной безопасности региональных стран не способствует эффективному использованию водных ресурсов с учетом их климатических особенностей. Уровень региональной специализации в сельском хозяйстве является одной из причин дальнейшего нарастания дефицита водных ресурсов и конкуренции за воду¹³.

В результате перед угрозой растущего дефицита ресурсов и изменения климата благополучие населения, дальнейший экономический рост и стабильность в регионе будут зависеть от развития и укрепления процессов управления водными ресурсами. Поэтому, принимая во внимание высокую значимость водных ресурсов для стран ЦА на нынешнем этапе, считается целесообразным формировать высокоэффективную экономику, создавая конкурентоспособную продукцию и выделяя финансовые ресурсы для поддержания в надлежащем состоянии гидроэнергетические, водохозяйственные объекты.

¹⁰ Заявление руководителей водохозяйственных органов республик Средней Азии и Казахстана, принятое на совещании, г. Ташкент, 12 октября 1991 г.

¹¹ МКВК Центральной Азии: 30 лет совместной работы. URL: <http://www.icwc-aral.uz/30years/index.htm>.

¹² Central Asia: Towards Water-Secure Sustainable Economies. World Bank Group, 2020.

¹³ Укрепление знаний по устойчивому управлению земельными ресурсами в Центральной Азии. URL: <https://cac-program.org/ru/news/detail/361/>.

Гидроэнергетический потенциал региона: энергетический рынок

В свете продвигаемой климатической повестки гидроэнергетический ресурс является составным элементом экономики государств. Более того, сфера гидроэнергетики значимее в силу его рациональности использования, нежели аналоги солнечной или ветряной энергетики.

Энергетический сектор в широком смысле, включая все виды энергоресурсов, выступает крупным потребителем водных ресурсов. Данный сектор экономики играет особую роль в Центральной Азии, и его развитие имеет большое значение для управления водными запасами в регионе и в сфере сельского хозяйства.

Гидрографическая сеть Центральной Азии – это крайне неравномерное распределение ее водных запасов. Водно-энергетический комплекс региона обладает крупнейшим энергетическим потенциалом, достигающим, по экспертным оценкам, 5,5% эффективного экономического гидропотенциала мира. По показателю годовой гидроэнергетической возможности особо отличаются Кыргызстан и Таджикистан в силу наличия больших водных запасов.

В период Советского Союза для оптимального использования водно-энергетических ресурсов, а также для повышения надежности энергоснабжения и ирригационного водообеспечения существовала объединенная энергосистема Центральной Азии, которая охватывала все пять государств. Логика ее строительства была такова: большая часть электроэнергии, вырабатываемой в бассейне рек Сырдарья и Амударья в летний период каскадами ГЭС передавалась Кыргызстаном и Таджикистаном соседним республикам, при этом взамен из союзного резерва получали материально-технические ресурсы в виде природного газа, угля и мазута для работы тепловых электростанций. С образованием независимых государств Центральной Азии централизованное обеспечение материально-техническими и финансовыми ресурсами водохозяйственной и энергетической хозяйственности прекратилось. В этой связи нависшая угроза потери управляемости водно-энергетическим комплексом потребовала принятия решений по выходу из кризисной ситуации [11].

В настоящее время, учитывая роль энергетического сектора в политике государств и жизнь народонаселения, внимание к данной сфере уделяется все больше. По оценкам ЕАБР, Центральная Азия является одним из немногих регионов мира, где гидроэнергетический потенциал освоен менее чем на 25%. В настоящее время в регионе действует более 80 гидроэлектростанций, суммарная установленная мощность которых около 14 000 МВт. В период до 2035 г. планируется увеличить мощность гидроэлектростанций в регионе на 8 900 МВт за счет модернизации существующих и строительства новых ГЭС¹⁴.

Нижеприведенная таблица предлагает к рассмотрению основные ГЭС региона ЦА.

14 Николай Подгузов: до 2035 года мощность гидроэлектростанций в Центральной Азии вырастет на 8 900 МВт. URL: <https://eabr.org/press/releases/nikolay-podguzov-do-2035-goda-moshchnost-gidroelektrostantsiy-v-tsentralnoy-azii-vyrastet-na-8900-mv/>.

Таблица. Каскады ГЭС стран Центральной Азии
Table. Cascades of Hydroelectric power plants in Central Asian countries

Казахстан					
Валовый теоретический гидроэнергетический потенциал (Gross theoretical capability)		170 ТВт ч/год			
Общий технический гидроэнергетический потенциал (Technically exploitable capability)		62 ТВт ч/год			
Экономический гидроэнергетический потенциал (Economically exploitable capability)		29 ТВт ч/год			
Бухтарминское водохранилище 675 МВт	Иртышский каскад ГЭС 1 708,2 МВт	Усть-Каменогорская ГЭС 331, МВт	Шульбинская ГЭС 702 МВт		
Кыргызстан					
Валовый теоретический гидроэнергетический потенциал (Gross theoretical capability)		163 ТВт ч/год			
Общий технический гидроэнергетический потенциал (Technically exploitable capability)		99 ТВт ч/год			
Экономический гидроэнергетический потенциал (Economically exploitable capability)		55 ТВт ч/год			
Нижнеарынский каскад ГЭС 2 870 МВт	Токтогульская ГЭС 1 200 МВт	Курпсайская ГЭС 800 МВт	Ташкумырская ГЭС 450 МВт	Шамалдысайская ГЭС 240 МВт	Учкурганская ГЭС 180 МВт
Таджикистан					
Валовый теоретический гидроэнергетический потенциал (Gross theoretical capability)		527 ТВт ч/год			
Общий технический гидроэнергетический потенциал (Technically exploitable capability)		264 ТВт ч/год			
Экономический гидроэнергетический потенциал (Economically exploitable capability)		264 ТВт ч/год			
Вахшский каскад ГЭС 4 744,05 МВт	Нурекская ГЭС 2 700 МВт	Байпазинская ГЭС 600 МВт	Сангтудинская ГЭС-1 670 МВт	Сангтудинская ГЭС-2 220 МВт	Перепадная ГЭС 29,95 МВт
		Головная ГЭС 269 МВт	Рогунская ГЭС Проектная мощность 3 600 МВт		

Узбекистан			
Валовый теоретический гидроэнергопотенциал (Gross theoretical capability)	88 ТВт ч/год		
Общий технический гидроэнергопотенциал (Technically exploitable capability)	27 ТВт ч/год		
Экономический гидроэнергопотенциал (Economically exploitable capability)	15 ТВт ч/год		
Каскад Урта-Чирчик-ских ГЭС 905,5 МВт	Чарвакская ГЭС 620,5 МВт	Ходжикентская ГЭС 165 МВт	Газалекнтская ГЭС 120 МВт
Туркменистан			
Гиндукушская (Мургабская) ГЭС 1,2 МВт			

Источник: составлено автором на основе анализа данных сайта «Мировая энергетика»¹⁵
Source: compiled by the author based on the analysis of data from the "World Energy" website¹⁵

В настоящее время мощность электростанций энергосистемы Центральной Азии составляет примерно 24 000 МВт с крупнейшими станциями в системе – Нурекская ГЭС (2 700 МВт) в Таджикистане и Токтогульская (1 200 МВт) в Кыргызстане. При этом основной гидропотенциал в этих странах идет на внутреннее потребление и является важным источником экспортных доходов.

Соответственно, учитывая важность энергетического рынка в современном мире, страны Центральной Азии стремятся внести свой вклад в данный сектор. Большая доля в энергосекторе принадлежит Таджикистану (69%), который амбициозно наращивает свой водно-энергетический потенциал (рисунок 2). Одним из приоритетных проектов является строительство Рогунской ГЭС, которая должна стать самой крупной в регионе с мощностью в 3 600 МВт и самой высокой плотиной в мире.

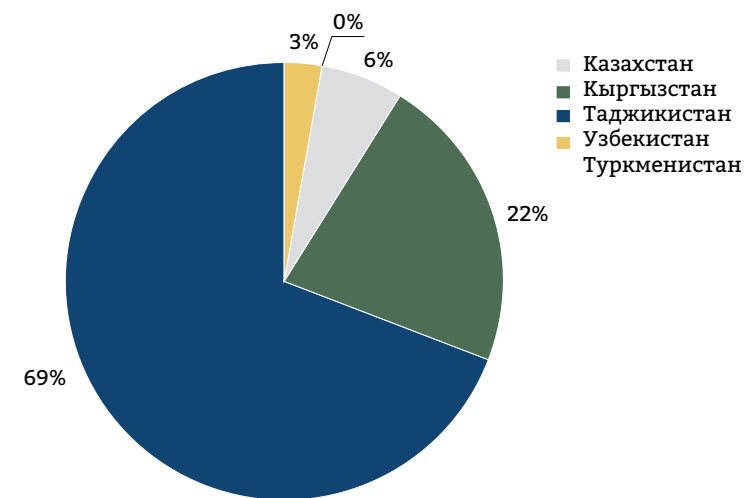
Вторая по величине доля в энергетическом рынке принадлежит Кыргызстану – 22%. При этом страна также имеет приоритетный проект – строительство Камбаратинской ГЭС-1 с мощностью в 1 860 МВт. В ее возведении заинтересованы два соседних государства – Узбекистан и Казахстан, между которыми в 2023 г. был подписан План совместной работы. Министр энергетики Кыргызстана отмечал, что строительные работы начнутся в 2025 г.¹⁶

Гидроэнергетика становится одним из основных источников роста производства электроэнергии и способствует обеспечению энергетической безопасности и поступлению экспортных доходов. Однако реализация строительных проектов ГЭС,

¹⁵ Мировая энергетика. URL: <https://www.eeseaec.org/svedenia-o-sajte-i-avtorah-publikacij>.

¹⁶ В Бишкеке состоялся круглый стол по выбору типа плотины для Камбаратинской ГЭС-1 // Официальный сайт Министерства энергии КР. URL: <https://minenergo.gov.kg/ru/news/617>.

Рисунок 2. Доля ГЭС ЦА в энергетическом рынке
Figure 2. Share of Central Asian Hydroelectric power plants in the Energy Market

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка развития [11]
Source: compiled by the author based on data from the World Development Bank [11]

направленных на приоритетную эксплуатацию энергетического потенциала рек Амударья и Сырдарья, вызывают некоторые опасения в странах, расположенных в нижней части течения.

Выводы

Таким образом, регион Центральной Азии – один из самых обеспеченных энергоресурсами территорий в мире. Большая часть этого потенциала приходится на Таджикистан, однако его освоение находится на низком уровне. В сфере энергетического рынка основным источником у Кыргызстана и Таджикистана является гидроресурс. Казахстан, являясь завершающим звеном в цепи гидроэнергетических систем, ежегодно сталкивается с затоплением, нехваткой питьевой воды и засолением устьев рек, что сопровождается возникновением ряда социальных и экономических проблем. В целом гидроэнергетический потенциал используется не более чем на 10%. Анализ данного потенциала требует повышенного внимания и коллективного решения проблемы для усиления драйвера развития гидроэнергетики.

После распада СССР распределение водных ресурсов сыграло большую роль в межгосударственных отношениях. Во время Советского Союза для регулирования водных вопросов была создана Единая объединенная энергосистема Центральной Азии с Координационно-диспетчерским центром в Ташкенте. В период «парада суверенитетов»

страны организовали систему работы путем достигнутого «Соглашения о параллельной работе энергетических систем Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан, Туркменистана и Республики Узбекистан» с учреждением предприятия «Объединенное диспетчерское управление энергосистемами Средней Азии» с его финансированием на долевой основе участниками Соглашения¹⁷. Фактически в ответственность данной структуры, называемой «Сырдарья» (в честь одной из главных водных артерий региона, соединяющих Узбекистан, Таджикистан и Казахстан), были переданы все сооружения, находящиеся по реке с головным офисом в Ташкенте.

Самостоятельное межгосударственное регулирование водных ресурсов начало проводиться с обретением независимости и подписанием в 1992 г. Алма-Атинского соглашения.

Кыргызстан, находясь в верховьях трансграничных рек и не имея других существенных природных богатств, вынужден обеспечивать деятельность народного хозяйства за счет гидроэнергетики. В этой связи накопление воды в летний сезон и использование ее в зимний период являются основой водной политики страны. Это ведет к водным дисбалансам с точки зрения стран, которые расположены ниже по течению трансграничных рек.

В последние годы Кыргызстан усилил внимание к водной проблематике, рассматривая различные варианты решения данного вопроса. Среди основных мер: достижение договоренностей с соседними государствами и реализация совместных гидроэнергетических объектов. Однако на достигнутые решение и продвижение в этом направлении большую роль будет играть уровень дефицита водных ресурсов. В последнее десятилетие он значительно усилился, что вносит коррективы в политику центральноазиатских государств.

Список литературы

1. Аюпов А.Н. Гидроэнергетический потенциал Центральной Азии в контексте евразийской интеграции [Hydropower Potential of Central Asia in the Context of Eurasian Integration] // Россия и новые государства Евразии. 2016. № 3(32). С. 89–98.
2. Бактыбекова Т. Конфликты в Центральной Азии при использовании водных ресурсов [Conflicts in Central Asia over the Use of Water Resources] // Реформа. 2018. № 2(78). С. 56–63.
3. Байбориев А.Ж., Исраилова А.А., Кадыркулов А.К. К вопросу конфликтного потенциала водных ресурсов Кыргызской Республики [On the Issue of the Conflict Potential of Water Resources of the Kyrgyz Republic] // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10. № 4. С. 446-451. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/101/52>.
4. Доскожаева А.К., Харланов А.С. Ресурсы водной экономики как геополитический актив стран ЕАЭС в формировании суверенных стратегий развития [Water Economy Resources as a Geopolitical Asset of the EAEU Countries and the Formation of Sovereign Development Strategies] // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 4(10). С. 69–81. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3\(9\)-23-3-4\(10\)-69-81](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3(9)-23-3-4(10)-69-81).
5. Жильцов С.С. Проблема дефицита водных ресурсов в Центральной Азии: фактор Афганистана [The Problem of Water Scarcity in Central Asia: the Factor of Afghanistan] // Проблемы постсоветского пространства. 2023. № 10(2). С. 110–119. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-2-110-119>.

¹⁷ Энергетический рынок Центральной Азии: кто есть кто? URL: <https://asiaplustj.info/news/tajikistan/economic/20210116/elektroenergeticheskii-rinok-tsentralnoi-azii-kto-est-kto>.

6. Жильцов С.С., Бименова А. Политика стран Центральной Азии в области использования водных ресурсов трансграничных рек [Politics of Central Asia: Water and Energy Aspects] // Центральная Азия и Кавказ. 2015. Т. 18. № 1. С. 90–100.
7. Лагутин Е.И. Водные ресурсы Центральной Азии на современном этапе (проблемы и перспективы) [Water Resources of Central Asia at the Present Stage (Problems and Prospects)] // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2019. № 4. С. 230–232.
8. Муталиева Л.М., Байтенова Л.М. Тенденции развития водно-энергетической системы стран Центральной Азии [Tendencies of Development of Water and Energy Systems in Central Asia] // Новости науки Казахстана. 2015. № 1(123). С. 34–51.
9. Первых К.В. Общие водные ресурсы в Центральной Азии: к постановке проблемы [Shared Water Resources in Central Asia: Setting a Problem] // Международные отношения и региональные процессы: Материалы III Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Омск, 2024. С. 208–212.
10. Рахронов А.С., Пардаев С.А. Современные угрозы безопасности Республики Таджикистан и Центральной Азии и использования водно-энергетического потенциала – важный фактор укрепления суверенитета и устойчивости развития региона [Modern Threats to the Security of the Republic of Tajikistan and Central Asia and the Use of Water and Energy Potential are an Important Factor in Strengthening the Sovereignty and Sustainable Development of the Region] // Приоритетные направления устойчивого социально-экономического развития государств в условиях усиления внешних рисков: Сборник материалов международно-научной конференции. Киров, 2022. С. 180–185.
11. Регулирование водно-энергетического комплекса Центральной Азии. Доклады и рабочие документы [Regulation of the Water and Energy Complex of Central Asia. Reports and Working Papers] // Евразийский Банк Развития. 2022. URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports/regulirovanie-vodno-energeticheskogo-kompleksa-tsentralnoy-azii/>.
12. Сидоров О. Водные ресурсы Центральной Азии как источник региональных конфликтов [Water Resources of Central Asia as a Source of Regional Conflicts] // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 5. С. 183–190.
13. Сидорова Л. Государства Центральной Азии: проблемы совместного использования трансграничных водных ресурсов [Problems of the Joint Use of Transboundary Water Resources in Central Asia] // Центральная Азия и Кавказ. Водно-энергетическая политика. 2008. № 1(55). С. 92–104.
14. Юсупова Д., Пеньковцев Р.В. Водный конфликт в Центральной Азии [Water Conflict in Central Asia] // Университет управления «ТИСБИ». 2021. С. 326–332.

Информация об авторе

НУРДИНОВА Асел Нурдиновна. Докторант философии PhD по международным отношениям. Дипломатическая академия имени К.Дикамбаева при МИД Кыргызской Республики. Главный специалист управления международного военного сотрудничества Министерства обороны Кыргызской Республики. <https://orcid.org/0009-0006-8227-978X>. Адрес: Кыргызская Республика, 720047, г. Бишкек, ул. Эркиндик, 36. Taggert2503@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 14 ноября 2024 г. Одобрена после рецензирования: 15 января 2025 г. Принята к публикации: 25 января 2025 г. Опубликовано: 5 марта 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Ayupov A.N. Hydropower Potential of Central Asia in the Context of Eurasian Integration. *Rossiya i Novye Gosudarstva Evrazii* [Russia and New States of Eurasia]. 2016; 3(32): 89–98 [In Russian].
2. Baktybekova T. Conflicts in Central Asia over the Use of Water Resources. *Reforma* [Reform]. 2018; 2(78):56–63 [In Russian].
3. Baiboriev A.Zh., Israilova A.A., Kadyrkulov A.K. On the Issue of the Conflict Potential of Water Resources of the Kyrgyz Republic. *Byulleten' nauki i praktiki* [Bulletin of Science and Practice]. 2024; 10(4):446–451 [In Russian]. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/101/52>.
4. Doskozhaeva A.K., Kharlanov A.S. Water Economy Resources as a Geopolitical Asset of the EAEU Countries and the Formation of Sovereign Development Strategies. *Rossiya i Mir: nauchnyj dialog* [Russia & World: Scientific Dialogue]. 2023; 4(10):69–81 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3\(9\)-23-3-4\(10\)-69-81](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3(9)-23-3-4(10)-69-81).
5. Zhiltsov S.S. The Problem of Water Scarcity in Central Asia: the Factor of Afghanistan. *Problemy Postsovetskogo Prostranstva* [Problems of the Post-Soviet Space]. 2023; 10(2):110–119 [In Russian]. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-2-110-119>.
6. Zhiltsov S.S., Bimenova A. Politics of Central Asia: Water and Energy Aspects. *Central'naya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus]. 2015; 18(1):90–100 [In Russian].
7. Lagutin E.I. Water Resources of Central Asia at the Present Stage (Problems and Prospects) // *Nauka, novye tekhnologii i innovacii Kyrgyzstana* [Science, New Technologies and Innovations in Kyrgyzstan]. 2019; 4:230–232 [In Russian].
8. Mutaliev L.M., Baitenova L.M. Tendencies of Development of Water and Energy Systems in Central Asia. *Novosti nauki Kazakhstana* [News of Kazakhstan Science]. 2015; 1(123):34–51 [In Russian].
9. Pervykh K.V. Shared Water Resources in Central Asia: Setting a Problem. *International Relations and Regional Processes: Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation*. Omsk, 2024:208–212 [In Russian].
10. Rakhmonov A.S., Paradaev S.A. Modern Threats to the Security of the Republic of Tajikistan and Central Asia and the Use of Water and Energy Potential are an Important Factor in Strengthening the Sovereignty and Sustainable Development of the Region. *Priority Areas of Sustainable Socio-Economic Development of States in the Context of Increasing External Risks: Proceedings of the International Scientific Conference*. Kirov, 2022:180–185 [In Russian].
11. Regulation of the Water and Energy Complex of Central Asia. Reports and Working Papers. Eurasian Development Bank. 2022. Available from: <https://eabr.org/analytics/special-reports/regulirovanie-vodno-energeticheskogo-kompleksa-tsentralnoy-azii/>.
12. Sidorov O. Water Resources of Central Asia as a Source of Regional Conflicts. *Central'naya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus]. 2003; 5:183–190 [In Russian].
13. Sidorova L. Problems of the Joint use of Transboundary Water Resources in Central Asia. *Central'naya Aziya i Kavkaz. Vodno-energeticheskaya politika* [Central Asia and the Caucasus. Water and energy policy]. 2008; 1(55):92–104 [In Russian].
14. Yusupova D., Penkovtsev R.V. Water conflict in Central Asia. *Kazan: Universitet menedzhmenta TISBI* [University of Management TISBI]. 2021:326–332 [In Russian].

About the author

Asel N. NURDINOVA. Doctoral Student of Philosophy PhD in International Relations of the Diplomatic Academy named after K.Dikambaev of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic. Chief specialist of the International Military Cooperation Department at the Ministry of Defence of the Kyrgyz Republic. <https://orcid.org/0009-0006-8227-978X>. Address: 36, Erkindik str., Bishkek, 720047, Kyrgyz Republic. Taggert2503@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: November 14, 2024. Approved after review January 15, 2025. Accepted for publication: January 25, 2025. Published: March 5, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.